

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В адвокатской практике нередки просьбы клиентов подготовить исковое заявление о взыскании убытков, включающих упущенную выгоду. Многие из них ошибочно полагают, что реальный ущерб и упущенная выгода по существу аналогичны и имеют одни и те же доказательства.

Тем не менее процесс доказывания наличия упущенной выгоды может оказаться более сложным.

В силу ч. 2 п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), возмещение упущенной выгоды возможно только в случае неполучения лицом доходов, которые оно реально получило бы в обычных условиях гражданского оборота при условии ненарушения его права. Исходя из приведенной формулировки, на практике возникают трудности, вызванные, во-первых, разногласиями по поводу определения понятия «обычных условий гражданского оборота», и, во-вторых, невозможностью доказать причинную связь между нарушением обязательства и упущенной выгодой, а также определением ее точного размера.

Следует отметить близость правового регулирования убытков в праве Республики Беларусь и правовых системах иных стран-участников Содружества Независимых Государств. Подтверждением тому может стать тот факт, что в ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ст. 9 Гражданского кодекса Республики Казахстан и ст. 14 ГК Беларуси определение упущенной выгоды изложено тождественно. Однако если в Республике Беларусь и Республике Казахстан данная норма является фактически неэффективной, в Российской Федерации ситуация сложилась иначе.

В 2015 г. в ГК РФ были внесены изменения, сделавшие взыскание упущенной выгоды более реальным. Согласно п. 5 ст. 393 ГК РФ, *суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, и в этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства*. При этом ст. 15 ГК РФ осталась без изменения.

Верховный Суд РФ в своем постановлении разъяснил: *«поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске»*.

Позднее Верховным Судом РФ был приведен пример того, что *расчет упущенной выгоды может производиться на основе данных о прибыли истца за аналогичный период времени до нарушения ответчиком обязательства и (или) после того, как это нарушение было прекращено»*.

Сегодня судебную практику по делам о взыскании упущенной выгоды нельзя назвать единообразной. Если в Республике Беларусь и Казахстане такие дела неизбежно приводят к отказу в удовлетворении требований о взыскании упущенной выгоды, то в России уже были отмечены случаи, когда аналогичные требования были успешно удовлетворены. Примером может послужить постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2017 г. по делу № А40-117531/2016, в соответствии с которым с поставщика, не поставившего товар, была взыскана упущенная выгода (в сумме 92,4 тыс. рублей) в виде разницы между суммой,

по которой покупатель намеревался его продать, и стоимостью не поставленного поставщиком товара.

Принимая во внимание успешный опыт Российской Федерации, можно говорить о необходимости комплементации в ГК Республики Беларусь формулировки, позволяющей сделать нормы, касающиеся упущенной выгоды, более гибкими и применимыми на практике.

А.Д. Ревякина
БГЭУ (г. Минск)

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ЕАЭС И ЕС: ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА

Трудовая миграция становится одним из важнейших ресурсов региональной интеграции, где регулирование трудовой миграции осуществляется на общерегиональном уровне, так как только такие крупные интеграционные союзы, использующие преимущества объединения рынков, ресурсных баз и трудовых потенциалов, могут выстоять в условиях нарастающей конкуренции глобализирующегося мира.

С момента создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) трудовая миграция, как одно из направлений сотрудничества государств-членов, вышла на достойный уровень регулирования. В Договор о ЕАЭС включены положения, которые позволяют трудящимся осуществлять свою деятельность. Так, например, в соответствии с Договором о ЕАЭС (ст. 96 «Сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции») государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах (например, по привлечению трудящихся России для работы в Беларуси и обратно).

Однако, проблема незаконной трудовой миграции на территории ЕАЭС остается актуальным вопросом. Незаконная трудовая деятельность лиц без гражданства натолкнула на разработку согласованной политики по противодействию этому феномену, а также осуществление согласованных мер в отношении нелегальных трудящихся-мигрантов и лиц, организующих и (или) оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции.

Для Европейского Союза (далее – ЕС) особую роль приобретают системы регулирования притока мигрантов, в первую очередь, системы отбора и отсева востребованных и избыточных категорий претендентов на въезд. На сегодняшний день данные системы претерпевают серьезные структурные изменения. Потребность изменений в модели отбора происходит из-за преобразования рынка.

Однако, в сфере внутрисоюзной трудовой миграции видна значительная разница: уровень мобильности как между странами, так и внутри отдельных стран остается крайне низким. Кризис 2008–2009 гг. заметно снизил мобильность внутри ЕС, и, хотя с 2011 г. наблюдается ее рост, масштабы остаются весьма скромными. Даже в странах, привлекающих наибольшее число трудовых мигрантов среди прочих стран-членов ЕС, таких как Германия (в 2008 г. – 1 395 600 трудовых мигрантов, в 2012 г. – 1 590 100) и Великобритании (в 2008 г. – 1 079 900 человек, в 2012 г. – 1 387 300), их доля составляет менее 5 % от общего числа занятых в экономике.

Стоит отметить, что государства-члены ЕС не прилагают больших усилий для привлечения мигрантов на рабочие места. Проблема чаще всего кроется в языковых и культурных барьерах, в том числе сложности признаний иностранных квалификаций.

Масштабы внешней трудовой миграции в ЕС, существенно возросли с 2016 г., когда в Западную Европу хлынул с поток беженцев. Несмотря на то, что большинство беженцев прибыли без цели трудоустройства (получившие международную защиту), процент мигрантов приехавших в поисках работы так же возросли.